

«Продолжить мысль автора»:

Беседа с В. И. Колядко



Виталий Иванович Колядко — известный российский философ и переводчик. Беседа, состоявшаяся 27 августа 2007 г. в Курске, представляет В.И. Колядко как переводчика самой значительной работы Ж.-П. Сартра «Бытие и Ничто». Интервьюер — А.В. Дьяков.

Виталий Иванович, Вы переводчик главной работы Жана-Поля Сартра «Бытие и Ничто» и, без сомнения, самый значительный российский специалист по философии этого замечательного мыслителя.

Это не так. Самый значительный специалист по Сартру — Михаил Антонович Киссель.

В таком случае, с этим и будет связан мой первый вопрос: Вам не кажется, что Михаил Антонович принадлежит к философам старого поколения, стиль работы которого (я ни в коем случае не умаляю его достоинств и могу лишь восхищаться ими) несколько отличается от стиля, принятого сейчас. Философы этого поколения были не столько строгими текстологами, сколько критиками. Сила и достоинство Вашей работы, на мой взгляд, состоит в том, что Вы предложили не критику, но перевод и комментарий основного труда Сартра. Конкретная работа с текстом чрезвычайно важна...

Переводчик всегда стоит на втором месте после автора, которого он переводит. И его заслуга в том, насколько он сумел те идеи, что высказал автор, донести до читателя. Если же он не сумел сделать это - а тексты Сартра достаточно сложны — он опростоволосился.

Мне кажется, к Вам это выражение неприменимо. Что представляет собой перевод — перевод литературный и перевод философский и, соответственно, кто должен переводить философские тексты — филолог или философ?

Переводами может заниматься любой человек, в той или иной степени знающий язык — и филолог, и философ. Для филолога, хорошо знающего французский язык, но незнакомого с философией, перевод будет очень труден.

По-моему, далееневозможен.

Почему невозможен? В какой-то степени возможен, и такие случаи бывают. Однако есть и отрицательные примеры: у нас перевели четырёхтомник Реале и Анти-сери — что-то в этом переводе удачно, что-то неудачно, но в целом ужасно. А перевод «Истины и метода» Гадамера — и вовсе никудышный. Переводы бывают разные. Английский и немецкий переводы «Бытия и Ничто» - вполне приличного качества. Главное в переводе — донести те мысли и идеи, которые выразил в своём произведении автор. Порой говорят, что перевод — это в определённом смысле интерпретация. Это совершенно ложное понимание. Лишь в какой-то незначительной степени это, может быть, и так. Перевод поэтического произведения в тысячу раз сложнее. Например, «Горные вершины спят во тьме ночной...» - знаменитый перевод Гёте, выполненный Лермонтовым, - это самостоятельная работа, которая в то же время передаёт и дух автора, и его замысел, и содержание его текста. Это идеал перевода.

В данном случае Гёте совершенно скрылся за Лермонтовым. Мы воспринимаем стихотворение как лермонтовское.

Совершенно верно, потому что он превзошёл автора, т.е. продолжил его мысль. Переводчик не вправе совершать насилие над текстом. Однако буквализм столь же плох. Скажем, Фета справедливо упрекают в том, что он в своих переводах буквально следовал за автором, так что перевода не получалось. Об этом прекрасно написал Чуковский. Чуковскому принадлежат прекрасные строки о значении перевода.

Корней Иванович и сам был блестящим переводчиком.

Блестящий переводчик, филолог и литературовед. Он знал, о чём говорил.

Когда Чуковский переводил, к примеру, Уолта Уитмена, его задача заключалась в том, чтобы передать некое ощущение единства с космосом, но в случае с философским текстом всё одновременно и проще, и сложнее. Здесь приходится работать с концептами и с категориальным аппаратом. Насколько это возможно при переводе с французского на русский? Насколько адекватен может быть такой перевод?

Французская философия говорит своим собственным языком, основы которого заложил Декарт. Декарт — блестящий мыслитель, заложивший основание всей французской философии. Французские философы отличаются (например, от немецкой

классической философии или от современной немецкой философии) тем, что могут синтезировать, соединять и парить над тем, о чём они говорят. Недостаток немецких философов в том, что они слишком погружены в наследие своих предшественников.

Можно ли эти французские воспарения адекватно перенести на русский язык, сохранив концептуальный строй текста?

Я бы сказал, что полной адекватности никогда быть не может. Любое понимание текста возможно только благодаря тому, что где-то есть зазоры. Без этих зазоров невозможны ни перевод, ни понимание даже русской фразы. Этот зазор всегда стоит между говорящим и слушающим. Зазор всегда есть, он неизбежен, без него вообще не может быть понимания, взаимопонимания, адекватности... А абсолютная адекватность попросту невозможна. Никогда нельзя сказать, что я абсолютно тождествен другому.

Зазор — это дистанция между Я и другим, или лее речь идёт о разрывах в дискурсе?

Дистанция неизбежно возникает во многих отношениях. Прежде всего, со стороны традиций: и переводчик, и автор, которого он переводит, всегда несут в себе традиции своей культуры, и этот зазор неизбежен. Если его и можно каким-то образом понять, то перевести в принципе невозможно.

То есть мы всегда имеем дело с изложением или с попыткой реконструкции.

Мы всегда имеем дело с ре-конструкцией, но не с конструкцией.

Милорад Павич приводит весьма любопытную легенду о Константине Солунском, который мастерски справился с задачей перенести большой кувшин сквозь за решеченное окно: он разбил кувшин, просунул осколки сквозь решётку, а затем склеил их, используя свою слюну и глину. Не таков ли труд переводчика?

Действительно, языковой барьер — это решётка. Языки представляют собой замкнутые системы. Пожалуй, твоё сравнение уместно. Однако все индоевропейские языки имеют некоторую общую основу, которая и делает возможным перевод. Эта основа — мир, который является общим для всех людей. Кроме того, многие французские авторы говорят: то, что написано, мне уже не принадлежит. Особенно ясно об этом сказал Леви-Строс.

Уместно вспомнить не только о балканских, но и о китайских кувшинах. Китайские мудрецы, которые были большими знатоками горшков и кувшинов, сходились на том, что ценность этих сосудов 'заключается в их пустоте. Когда Константин разбил кувшин, а затем склеил его по другую сторону решётки, получил ли он ту лее самую пустоту, или какую-то другую?

Пожалуй, ту же самую. Если идеи склеены адекватно, т.е. так же, как скреплялись они у автора, мы получим то же самое пространство.

Похоже, мы пришли к структурализму. Структура кувшина остаётся прежней. Недаром Вы только что упомянули Леви-Строса.

Безусловно.

Ещё один вопрос: в чём особенности языка Сартра?

В том, что это едва ли не единственный автор, который пишет художественные произведения философски, но философские произведения пишет не как художник. Он пишет, ориентируясь на немецкую философию, немецкий экзистенциализм, и его язык сугубо академичен. Лишь изредка в философских текстах прорывается, просвечивает его художественное дарование. Хотя он всегда академичен, художественный дар позволяет ему очень ясно излагать свои идеи.

Художественная образность Сартра совершенно не влияла на мой перевод. Прежде чем взяться за него, я читал художественные произведения Сартра. «Слова», например, мне не очень понравились. Когда же я стал читать его философские тексты, меня поразила сила его аргументации, логической аргументации, не зависящей от языка. Я не мог опровергнуть ни один из доказываемых им тезисов. Обычно я критически настроен по отношению ко всему. Но опровергнуть Сартра было трудно. Он строит свои рассуждения настолько изящно и конструктивно, что ни с какой стороны не подкопаешься. Можно, конечно, опровергать его, вещая с каких-то заоблачных высот, но это глупость. В конкретных же моментах он неопровержим. О его друзьях этого не скажешь. Арон, например, в философском плане стоит на несколько ступеней ниже.

Действительно, критика Мужина, Лефевра и Лукача спускалась с «высот» диалектического материализма.

Критика друзей Сартра гораздо важнее. Мерло-Понти, впрочем, тоже занимался опровержениями Сартра «со стороны». Сартр построил крепость, хотя и основанную порой на ложных суждениях, но изнутри взорвать её невозможно. Мы невольно принимаем эти основания, и можем размышлять о них лишь *post factum*.

Не кажется ли Вам, что философия Сартра осталась (некоторые говорят - заблудилась) в собственном времени?

ЧТО значит «заблудилась в собственном времени»? Заблудиться можно в любом времени. Сартр не был партизаном и, хотя «Бытие и Ничто» написано во время войны, он писал не *против* нацизма (хотя определённые отголоски его протеста в тексте можно заметить), его книга — абсолютно вневременная. Сартр никогда не отказывался от идей «Бытия и Ничто». Он и не мог заблудиться в своём времени, поскольку продолжал традиции немецкой классической философии.

Что значит быть сартрианцем? И возможно ли это вообще?

Сартрианские общества возникли давно — в Германии, в Италии... О существовании таковых в России мне неизвестно. У нас есть люди, изучающие Сартра, знающие его (себя я не отношу к знатокам творчества Сартра), есть люди, ценящие его как писателя. В каком-то смысле можно назвать сартрианцами тех, кто любит его книги. Само слово «экзистенциализм» означает определённую тенденцию, направленность тех или иных авторов, у каждого из которых есть своя собственная концепция. Я бы назвал сартрианцами тех, кто разделяет политические убеждения Сартра, основанные на его явных симпатиях к социализму и коммунизму, его жёсткую направленность против империализма, и при этом ценит его философский и художественный дар. Всё это сартрианцы.

То есть любые люди левых политических убеждений, любящие Сартра? Прежде всего, коммунисты?

Сейчас так не говорят. Мы уже никого не называем гегельянцем, марксистом или полпотовцем...

Теперь это немодно...

Я даже не уверен, что существуют, скажем, идеологи либерализма. Так никого не называют. На Западе, как кажется, нет никакой идеологии.

Жак Рансьер написал об этом замечательную книгу...

Сегодня есть лишь конкретное и чёткое политическое действие. Ещё Сартр говорил о том, что действие — это самое главное. В этом отношении его можно назвать и прагматиком, и марксистом, и гегельянцем. Он умел сочетать лучшие стороны этих позиций.

Александр Кожев сказал по поводу «майской революции» 1968 г.: «Кровь не пролилась, а значит, говорить не о чем». Не применимо ли это к военному опыту Сартра, ведь «странная война» действительно была «странной», если сравнить её с теми тяготами, которые выпали на долю нашей страны. Да, к тому же, Сартр служил на метеостанции и война не мешала ему писать наброски того, что потом превратилось в «Бытие и Ничто». Не изменилось ли бы его мировоззрение, попади он на настоящую войну? Или, иначе, какой была бы книга «Бытие и Ничто», если бы Сартр участвовал в Сталинградской битве?

Едва ли на этот вопрос вообще возможно ответить. Если бы да кабы... Фантазировать бессмысленно. Мы знаем только такого Сартра, каким он был в своей эпохе и в своей ситуации. Каким был бы «Капитал» Маркса, если бы Маркс жил в наше время? Да тем же самым!

Вы полагаете?

Уверен. Он был бы тем же самым. И Сартр в наше время был бы тем же самым. «Бытие и Ничто» - философское произведение, а не политико-историческое. Современные ему события переплетаются здесь с событиями прошлого и даже будущего. Но главным элементом здесь является философская конструкция.

В какой мере Сартр писатель, а в какой — философ? И есть ли вообще грань между философией и литературой? Постструктуралисты заявили о том, что философия — это литература...

Сартр, пожалуй, единственный из своего круга, стремился в своём творчестве, в своих эстетических построениях, подчеркнуть некую важную психолого-философскую мысль. У нас любят говорить о том, что такой-то и такой-то в своём творчестве иллюстрирует ту или иную идею. О Сартре такого сказать нельзя. Он просто пишет, но так, что философское у него оказывается одновременно и художественным. Поэтому провести границу между философией и литературой в творчестве Сартра очень трудно. Раньше у нас любили говорить о том, что какие-то художники иллюстрируют в своих произведениях марксистское учение. Такого попросту не может быть. Если это лишь иллюстрация, такое произведение ничего не стоит.

Вместе с тем, Сартру удалось очень чётко обозначить различие между философией и литературой. В «Бытии и Ничто» он прекрасно показал, что философия — это строгая игра понятий. В этом, кстати, он буквально следовал Гегелю. Он никогда не смешивал философию и литературу.

Сартр и Мишель Фуко совместно провели не один десяток демонстраций. Почему два «ангажированных интеллектуала», находящиеся приблизительно в одной и той же «ситуации» и в равной мере «заброшенные» в историю, понимали историю столь различно?

Я не специалист по философии Фуко. Могу сказать только, что история современной французской философии даёт прекрасный пример того, как можно заплутать в двух соснах. Это касается прежде всего Фуко, извратившего историю.

Как известно, на Сартра большое влияние оказала философия Мартина Хайдеггера. Можете ли вы сформулировать кратко, в чём именно заключалось это влияние?

Лучше всего обратиться к работам Сартра, где он сам отвечает на этот вопрос. И он сам, и Симона де Бовуар писали о том, что им импонировало учение о том, что мир и Я не разделены и т.п. Важнее всего то, что Сартр нашёл у Хайдеггера удовлетворительную для него интерпретацию Гуссерля. Именно в этом сказалось основное влияние Хайдеггера на Сартра.

Можно ли в связи с этим говорить о какой-то «феноменологии Сартра»? И где её искать?

Конечно, сартровская феноменология существует. Искать её следует на страницах журнала «Les Temps Modernes», в критических статьях Сартра.

А вот о влиянии Сартра на Хайдеггера говорить не приходится. Гадамер рассказывал, что Хайдеггер подарил ему французский экземпляр «Бытия и Ничто». Судя по состоянию книги, Хайдеггер прочитал только первые пятьдесят страниц.

Быть может, это связано с тем, что у Хайдеггера был не очень хороший французский язык?

Дело не в этом. Хайдеггер пренебрежительно отнёсся к Сартру вообще. После выхода статьи Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (статья, конечно, несёт весьма спорные идеи) Хайдеггер стал отрицать свою принадлежность к экзистенциализму.

Почему эти столь похожие философы пошли такими различными путями: Сартр стал тяготеть к коммунистическому дискурсу, а Хайдеггер, чего уж греха таить, искренне симпатизировал национал-социалистам?

На мой взгляд, не стоит прямо утверждать, что Хайдеггер испытывал симпатии к нацизму. Скорее, некие представления о духовной и интеллектуальной элитарности в его представлении связывались с расистской идеологией.

Как возможна «подлинность»? Существуют ли «подлинны» субъекты, или мы все обречены на «неподлинность»?

Это чрезвычайно сложный вопрос, и едва ли мы сможем разрешить его в этой беседе. К примеру, сам ты сейчас существуешь подлинно или неподлинно?

Как бытие-в-себе или как бытие-для-себя?

Как бытие-для-себя.

По всей видимости, да. Выступая в настоящий момент как интервьюер, я обретаю некую устойчивость в звучании собственного голоса.

Сами понятия «подлинности» или «неподлинности» - это категории, которые Сартр вводит для определения неотчуждённого и отчуждённого существования. Собственно, они вырастают из хайдеггеровских понятий *Eigentliche Existenz* (собственное существование) и *Uneigentliche Existenz* (несобственное существование), т.е. бытие свободное и отчуждённое. Все экзистенциалисты, в том числе и Сартр, под «свободным» существованием понимают *только* свободное существование индивида. У Хайдеггера это тоже уникальное существование Я, моего Я. При социалистическом тоталитаризме все оказываются неподлинными. Это самые интересные вещи из тех, что концептуализировали Хайдеггер и Сартр.

Кстати, как связаны понятия подлинности и собственности.

Я до сих пор пытаюсь овладеть этими понятиями. Я недавно читал о том, что в средневековой феодальной Японии производители риса не должны были есть свой продукт, а производители шёлка — носить шёлковую одежду. Так что же, подумал я, феодализм несёт в себе элементы социализма...

Своего рода. Хотя я бы, пожалуй, сказал наоборот: социализм — это феодализм... Кстати, почему вы предпочитаете переводить «la mauvaise foi» как «неподлинность», а не как «дурная вера»? В английском переводе Сартра - «bad faith»...

А что такое «дурная вера»? Когда-то я и сам прибегал к такому переводу. Но потом М.А. Киссель задал мне этот вопрос: что такое «дурная вера»? Это понятие лишено всякого смысла.

Речь идёт о непреднамеренном самообмане. Сартр даёт простейшую характеристику, приводя примеры: «Я недостойн говорить о том, что...» или «Я слишком низок, чтобы говорить о возвышенных вещах». Неподлинность постоянно вторгается в человеческое существование. Когда человек говорит «я храбр», это значит, что он не храбр. И наоборот, когда он говорит «я трус», он отчуждает от себя трусость.

Сергей Леонидович Фокин предлагает переводить этот термин как «криво-душие»...

Криводушие носит намеренный характер, например, когда я вру, а у Сартра речь идёт о ненамеренном действии, неизбежно отчуждённом.

Что такое «мелкобуржуазность»? Постструктуралисты в 1960-х гг. заявили об универсальном характере мелкобуржуазности, так что даже сама природа порой оказывалась мелкобуржуазной. Можно ли в действительности избежать мелкобуржуазности?

Мелкобуржуазность неразрывно связана с частной собственностью. Не только коммунизм, но и все другие «измы» потерпели крах из-за своей мелкобуржуазности, из-за бесконечного повторения «это моё». Трагедия мелкого буржуа в том, что он постоянно стремится стать крупным. В XX в. только люмпен-пролетариат не являлся мелкобуржуазным. В утверждении о том, что сама природа мелкобуржуазна, есть большая доля истины. Либо ты мелкобуржуазен, либо ты умрёшь.

Сартр был мелкобуржуазен? Сам он честно говорил: «моя озабоченность - озабоченность мелкого буржуа».

Да, конечно, он был искренним человеком. Этим он разительно отличался от современных философов и политиков. Разумеется, он был мелкобуржуазен: рассуждал о пролетариате, сидя в кафе...

Ну да, знаменитая история с абрикосовым коктейлем, который они с Ароном пили в ночном клубе... А мы с Вами мелкобуржуазны?

Да. Что уж тут поделаешь...

А как не быть мелкобуржуазным?

Это возможно лишь при сплочённости тех, от кого ты добиваешься, чтобы они не были мелкобуржуазны. Лишь тогда, когда твоё бытие есть бытие с кем-то.

Как в таком случае достигнуть синтеза мы-объекта и мы-субъекта?

Мы-объект и мы-субъект — вторичные структуры. «Мы» вторично и производно от «я» и «ты». На уровне онтологии существуют лишь «я» и «ты». Речь может идти лишь о третьей позиции по отношению к в-себя и для-себя — о для-других или с-другими.

Тогда вопрос надо переформулировать: как возможно бытие-с-другими?

Сартр не даёт ответа на этот вопрос. Вернее, попросту уходит от него, поскольку все позиции бытия-с-другими у него оказываются лишёнными смысла, абсурдными. Другой всегда остаётся для меня объектом, а потому я всегда терплю поражение. Конфликт человеческого бытия неразрешим. Недаром в пьесе «За закрытыми дверями» он говорит: «Ад — это другие люди». Другой принципиально враждебен.

Главное в том, что один из нас Господин, а другой — Раб. Впрочем, до сих пор спорят о том, как интерпретировать эту гегелевскую диалектику.

Сартр говорит о том, что между «я» и «ты» по необходимости должен существовать некто третий. Этим «абсолютным третьим» для традиционного мышления выступал Бог.

Сартр говорит, что, если бы существовал такой третий, то им был бы Бог. А раз нет третьего, нет и Бога.

А кем может быть третий в отсутствие Бога?

Сартр всю жизнь искал ответ на этот вопрос и не нашёл.

Кто такой Раб для Сартра?

Прекрасный вопрос. Утверждая приоритет и главенство Я, т.е. бытия-для-себя, Сартр сталкивается с проблемой: для того, чтобы постичь бытие-для-себя, необходимо сперва познать бытие-для-другого. Сартр повисает в пустоте и пытается найти выход из неё в активизме, в деятельности.

Так кто же является субъектом истории? Гегелевский Раб?

Нет. Если бы субъектом истории был Раб, мы бы уже жили при коммунизме. В четвёртой главе «Бытия и Ничто» Сартр прекрасно пишет о том, как захватившие власть рабочие не знают, что с этой властью делать.

Почему?

Он феноменолог. Подобные объяснения не по его части.

Гегель сказал бы: потому, что они не обладают самосознанием.

Самосознание появляется вместе с расслоением общества.

Совершенно верно: человек выходит из животного состояния, начинает желать желание другого и т.д.

По-видимому, сартровский субъект истории — это человек вообще. Человеческое существование, т.е. бытие-для-себя.

Совместимо ли сартровское понятие свободы с марксизмом?

Вполне совместимо. Человек не может быть абсолютно свободен, однако парадоксальным образом он свободен. Философская концепция Сартра связана с концепцией этической. Я хочу подчеркнуть, что свобода человека всегда ограничена его нравственностью, и эта мысль у Сартра остаётся постоянной.

Нравственность в смысле «ответственности»?

Именно. Если я свободен, значит, я ответственен абсолютно за всё. В этом большой вклад Сартра в этику.

Принято считать, что для Сартра существовал только ранний Маркс — Маркс «Рукописей 1844 г.», разрабатывавший понятие отчуждения, — тогда как позднего Маркса он не признавал.

Я, честно говоря, не верю в то, что Сартр не признавал позднего Маркса. По правде сказать, он не слишком хорошо знал Маркса.

Сартр понимает раннего Маркса в том смысле, что капиталистическое общество отчуждает экзистенциальные основания свободы. А свобода у него как раз и составляет основание бытия. (Поправьте меня, если моё изложение не совсем верно!) Не кажется ли Вам, что Сартр в большей степени гегельянец, чем марксист?

Сартр обладал прекрасной интуицией, но Маркса он не знал. Зачем ему знать Маркса, если он приближался к Марксу «естественным путём»? Поэтому он был марксистом.

Вы настаиваете: он был марксистом?

Настаиваю. Он был марксистом и искал собственный путь к Марксу.

Это марксизм коммунистической партии или какой-то другой? В 1960-е гг. Сартр сотрудничал с маоистами...

Маоисты привлекали его тем, что делали акцент на активной борьбе, на действии. Тогда как советский марксизм пребывал в спячке.

Основные публикации В.И. Колядко:

1. К критике феноменологического метода Э. Гуссерля // Вопросы философии и психологии. Л., 1968.
2. Обыденная практика и познание / Проблемы диалектики. Вып. 1. Л., 1972
3. Понятие интересубъективности в современной буржуазной философии / Методологические и методические проблемы критики современной буржуазной философии и социологии. Л., 1978.
4. О феноменологической интерпретации диалектики / Идеалистическая диалектика XX века. Л., 1978.
5. Теория познания структурализма / Современные буржуазные теории познания. Л., 1981.
6. **Бернард Больцано. М., 1982.**
7. Антипсихологизм Б.Больцано // Философские науки. 1983. № 3.
8. Философская лирика А.Фета / Проблемы жизни и творчества А.Фета. Курск, 1990.
9. Кант и Достоевский / Современная философия в зеркале компаративистики. СПб., 1994.
10. Феноменология и психоанализ (З. Фрейд и Э. Гуссерль) / Проблема интеграции философских культур в свете компаративистского подхода. СПб., 1996.
11. Некоторые проблемы методологии исследования философии XX в. / Методология исследования диалога философских культур: общее и особенное. СПб., 1995.
12. Феноменологический метод в западной философской мысли / Современная философия и философская компаративистика. СПб., 1995.
13. **Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Пер. с франц., предисл., коммент. М., 2000 (2-е изд. - М., 2004).**
14. К проблеме человека в западной философии XX в. / Человек в научной и философской картине мира XXI в. Курск, 1996.
15. О прагматической функции философии / Философия достижимых целей. К 100-летию американского прагматизма. СПб., 1998.
16. Основание конструктивности в феноменологии Гуссерля / Проблема конструктивности научного и философского знания. Курск, 2001.
17. Проблема индивидуальной и социальной свободы в экзистенциальной философии / Философская компаративистика в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2006.
18. К проблеме свободы человека (индивидуальной и социальной) в философии экзистенциализма / Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии. СПб., 2006.
19. Методологический индивидуализм (номинализм) против методологического коллективизма // Философско-антропологические исследования. 2007. № 2.